

Молчать, но не замалчивать

Есть ли в регионе национальная напряжённость?

«Восточно-Сибирская правда» совместно с администрацией г. Иркутска продолжает цикл круглых столов, посвящённых актуальным проблемам общественно-политической жизни региона. Какова сегодня ситуация в Иркутске и Иркутской области, велик ли уровень напряжённости в межнациональных отношениях? На этот вопрос мы попытались ответить вместе с представителями национально-культурных центров, политиками и учёными.

Иван Адилханян, городская общественная организация «Иркутское армянское культурное общество»: Сегодня обстановка сложная. В чём заключается эта сложность? Ведь у нас в городе и области всё в целом спокойно, особенно по сравнению с другими регионами. Но граждане города и области получают из средств массовой информации определённый настрой. Настраивают их по отношению к другим национальностям, когда говорят о чеченцах, ингушах, дагестанцах, осетинах. С чем это связано? Мне кажется, это идёт с Запада. Известно, что есть напряжённость на юге нашей страны: Дагестан, Чеченская республика, Ингушетия. Идёт целенаправленная внешняя работа перед нашими выборами, чтобы народ взбудоражить. Чтобы заявить, что нет у нас свободы слова и демократии.

Недавно Патрушев собирает всех руководителей юга страны и даёт информацию о том, что в этом году 1500 человек из Северного Кавказа и Поволжья поехали в Саудовскую Аравию, Турцию и Эмираты, чтобы учиться в медресе. И одним из основных элементов программы обучения у них была боевая подготовка. И всё это направленно, чтобы радикальный ваххабизм довести до севера нашей страны и чтобы у нас опять не было взаимопонимания. Но в нашем регионе – во многом благодаря работе национальных центров – всё более или менее стабильно.

К сожалению, у наших политических руководителей мудрости я не вижу. Вот мы все ожидали, что после того, как у национальных центров заберут здание Дома дружбы, нам дадут какое-то место, где бы мы могли работать вместе с подчинёнными губернатора из его управления по национальным отношениям. Но нет, не дали... И это не мудрое решение.

Вот прошла в Иркутске конференция, посвящённая детям мигрантов в школах. Ко мне пришла журналистка из одной уважаемой газеты. И я ей рассказал, что я думаю по этому поводу. Девочка написала статью, но в редакции ей сказали: нет, не пойдёт. Это неинтересно. Другой случай – национально-культурные центры проводят гала-концерт, посвящённый, между прочим, Дню России. Чем не повод для разговора на страницах газет, с голубых экранов о взаимопонимании? Ничего!

А ведь роль национально-культурных центров в Иркутске очень велика. Их руководители – это люди, которые реально работают над снижением напряжённости. Сколько нас пытались столкнуть лбами? Дважды поджигали здание армянского общества, и все уже говорили: вот, это разборки идут между армянами и азербайджанцами. А нет никаких разборок, потому что руководители центров встретились и сказали: нет, главное, не дать себя спровоцировать, не поддаваться! И не было ничего.

Руслан Таталаев, руководитель иркутской общественной организации «Чечено-ингушский культурный центр «Вайнах»: Обстановка сложная, это все знают. Сложная во многом потому, что информация даётся однобоко. Когда преступление совершается лицами не той национальности, СМИ выхватывают её друг у друга, она моментально распространяется по всем каналам. Когда делаешь что-то хорошее – молчание. Мы что, второй сорт, что ли? Мы такие же граждане, как и все.

Дмитрий Люстрицкий, «Восточно-Сибирская правда»: Хорошо, один из факторов – позиция средств массовой информации...

Руслан Таталаев: Это один из главных факторов! Если бы вы правильно доводили информацию, было бы всё совсем по-другому.

Нет как таковой никакой межнациональной темы в Иркутске. Сколько я в Иркутске живу, за двадцать четыре года я не помню, чтобы именно чеченцы враждовали с армянами, с евреями, с русскими. Нет такого понятия. Что было, это были конкретные недоработки с вашей стороны: со стороны администрации, со стороны средств массовой информации, силовых структур. Мы, со своей стороны, всё время пытаемся что-то уладить, сгладить, и лишь когда что-то происходит, все бросаются искать причину. А причина элементарна: у нас что, органы не работают? Они что, не знали, что Кондопога будет, что в Ставрополе творится? Знали, я думаю. Давайте называть вещи своими именами. Мы все платим налоги, они на эти налоги живут – так будьте любезны, работайте.

У нас недавно была встреча с работниками ФСБ по поводу деятельности мечети. По отношению к чеченцам, ингушам, дагестанцам, на плечах которых эта мечеть заново возрождалась, никаких претензий нет. Есть претензии по отношению к неким лицам, которые относятся, по их мнению, к радикальным исламским группировкам. Извините, говорим, у вас есть информация? Работайте! Зачем вы нам об этом говорите? Вы что, хотите, чтобы мы их из мечети выгоняли? Мы не будем этого делать. Если знаете, что есть такие люди, так не доводите до того, чтобы что-то произошло, на корню рубите, чтоб не созрело.

Салман Закриев, «Чечено-ингушский культурный центр «Вайнах»: Вопрос межнациональных отношений в Российской Федерации очень запущен. Я вообще сторонник того времени, когда Брежнев говорил: «Создалась новая общность людей – советский народ». Это моё личное мнение. Если бы в стране занимались национальной политикой должным образом, то у нас многого бы не происходило.

Возьмём, например, политические партии. Та же ЛДПР: ведь её деятельность, её лозунги, я считаю, идут параллельно с обыкновенным фашизмом. И этот человек выходит на большую трибуну и говорит, что он настоящий защитник русских. Да я в какой-то степени больше русский, чем он.

Беда, я считаю, когда вопросами национальной политики занимаются люди непрофессиональные, которые в этом ничего не смыслят.

Ну и, конечно, наши СМИ любят гоняться за жареными фактами. Настолько грубо и бестолково подаётся информация, что просто удивительно. Бывает, поговоришь с человеком – и он тебе вдруг говорит: «Надо же, оказывается, вы нормальные люди вообще». Вот такой вот имидж создали...

Но я считаю, что у нас всё-таки ситуация нормальная. В Москве, в Кондопоге национальный вопрос просто запущен, а у нас вопрос межэтнического общения в ближайшее время не должен возникать.

Аарон Вагнер, главный раввин: На общем фоне те люди, которые приехали в Сибирь, очень скоро начинают чувствовать себя сибиряками. Они более толерантны, потому что похоронили где-то своё национальное «я», а взамен приобрели новое. Не зря говорят, что это уже новый народ – сибиряки. Хотя в последнее время модно искать свои национальные корни, Иркутск остаётся толерантным городом. Сейчас действительно всё спокойно, но проблема накапливается – капля по капле, капает-капает, и не исключено, что когда-нибудь наполнится доверху.

Что же касается тенденциозности – действительно, например, наши мероприятия почти никогда не освещаются в СМИ. Я, кстати, не говорю о «Восточке», мы многое делаем вместе. Но в целом средства массовой информации о деятельности общин во благо не говорят. А ведь многонациональность, многогранность общества подобна многогранному бриллианту, в этом его красота. Пока же все разговоры о многонациональности, о толерантности ведутся где-то наверху и очень мало проникают вниз, вглубь. Посмотрите, что происходит там, куда простые люди, приехавшие из других стран, приходят сделать вид на жительство. Это же просто страшная вещь. Когда человека гоняют по коридорам, грубят, заставляют просиживать в очереди, это не проходит бесследно, остаётся в памяти, бурлит. Люди прибывают сюда на законном основании, они идут регистрироваться, чтобы выполнить требования закона, и они не должны быть в ответ унижены.

Или вот криминальная хроника. Почему наркотики – это цыгане? Только цыгане торгуют наркотиками? Или они не граждане? И вот ещё вопрос – а когда цыган не торгует наркотиками, когда он делает что-то хорошее, к нему придёт человек с микрофоном и расскажет о нём?

Считаю, мало говорить о том, что нужна толерантность. Нужно объяснять, что это такое, стремиться сделать нормой, жизненным принципом.

Виктор Загородников, региональный координатор ЛДПР: У нас нет национального вопроса. Его искусственно создают – журналисты, телевидение. Это полностью ваш вопрос – не наш вопрос. Для примера можно

проехать в аэропорт – кафе «Кристина», там гуляют и грузины, и чеченцы, и армяне. Слушают одни песни, танцуют одни танцы.

Если журналист сообщает по телевидению: задержаны два преступника ингушской национальности, на него нужно подавать в суд. У нас в паспортах отсутствует графа «национальность». Почему тогда журналист выискивает, ингуш это или дагестанец? Почему когда задерживают других бандитов, никто не говорит – задержана русская банда, а называют – задержаны жители такого-то города. Но если где-то закон преступил человек другой национальности, то сразу национальность ставится во главу угла.

Аарон Вагнер: Это значит, что национальный вопрос есть на уровне подсознания.

Виктор Загородников: В подсознании журналистов! А они уже формируют сознание людей. Если вам месяц говорить, что вы зелёный, то через месяц вы и сами поверите, что вы зелёного цвета. Если человек нарушил закон, достаточно написать его фамилию – на здоровье, пускай его родственники задумаются, опозорил он их род или прославил. А пока это чисто надуманная проблема, проблема журналистов.

Аарон Вагнер: Но журналисты – это тоже люди. И поэтому им легче найти бытовой конфликт и дать ему межнациональный оттенок.

Салман Закриев: Когда хирург оперирует, он отвечает за жизнь человека. И он должен быть специалистом. Точно так же специалистом должен быть журналист, и он должен нести ответственность за то, что говорит.

Дмитрий Люстрицкий: Пожалуй, я вступлюсь за честь журналистской корпорации. Во-первых, любой журналистский коллектив – это часть общества. А газета, кстати, это сегодня такой же бизнес, как любой другой. Если газета не будет писать о том, что хочет читатель – она прогорит. И потом, несправедливо ограничиваться ролью журналистов. Свой вклад вносят и политические партии – вспомните предвыборную кампанию партии «Родина», да что далеко ходить – у нас есть депутат Курьянович, который долгое время возглавлял региональное отделение ЛДПР и представлял область в Государственной Думе.

Виктор Загородников: Ну, никогда не поздно признать ошибки. Но посудите сами – мы все россияне, от слова Россия, значит, мы – русские. Мы исключаем национальность.

Салман Закриев: Я лично с ним знаком, и его мнение мне известно. И он мне как-то сказал: знаете, я член партии и должен проводить её политику. У нас каждый что-то должен. Но думают ли при этом люди о том, как это отразится на положении дел? Я говорил и говорю: дураков на душу населения среди чеченцев, наверное, больше, чем в любой другой национальности. Но вы же только даёте пищу людям, которые смотрят телевизор и говорят: ах, нас здесь оскорбили, опять назвали чеченца бандитом. И человек говорит: «Хотите, чтобы я был бандитом, да? Я буду этим бандитом!»

Руслан Таталаев: Как тут уже сказали, если человеку постоянно говорить: ты волк, ты волк, ты террорист – он рано или поздно озверевает.

Виктор Дятлов, доктор исторических наук, профессор Иркутского госуниверситета: Должен заметить, что наша дискуссия пошла в очень любопытном ключе. Получается, у нас в Иркутске всё более или менее нормально, а вот там, где-то далеко – плохо. В этом виноваты СМИ, политики, чиновники, граница. То есть мы пытаемся отыскать виновных, а не стремимся понять причины.

Виноваты журналисты? Да. Но если бы за этим столом сидел представитель МВД, то весь пыл ушёл бы на милиционеров, а на журналистов бы не хватило сил.

Одно дело, когда у журналиста есть осознанная цель. Я припоминаю, когда ко мне пришёл журналист из «Комсомольской правды», которого редактор послал искать китайское засилье в Иркутске. Когда он его не нашёл, он очень удивился, а потом всё-таки нашёл, когда пошёл на «Шанхай». Человек получил задание и его выполнил. Часто обижают походя, используют некорректные термины.

Но вы правы, журналист – это в первую очередь человек, он живёт в этом обществе. Кроме того, информация – это товар. Моя коллега из Москвы, проводя тренинг с журналистами, предложила им написать что-нибудь хорошее о цыганах. И получила ответ: этого никто не напечатает, это «нетоварно». Дело не в том, что кто-то прямо или непрямо платит, а дело в том, что если газета не покупается, бизнесмен прогорает. Отсюда и хлётские заголовки и всякие другие шалости, которые не способствуют формированию здорового климата в обществе. Кстати, если бы журналистами командовали чиновники, вряд ли было бы лучше: и чиновники тоже люди, и у них свои заморочки в головах.

Можно сколько угодно говорить о партиях. Но политическое дело – это дело жестокое. Выборы – это борьба за власть, и часто идёт на грани фола, и если политик считает, что национальный вопрос может стать инструментом политической мобилизации, ему трудно удержаться. Про милицию я не говорю, тут сразу все объединяются. Можно долго ходить по кругу, но так и не ответить на главный вопрос – а почему?

Почему журналист пишет так, а не иначе, почему милиционер останавливает человека, у которого лицо не так выглядит, и тому подобное? И если задуматься, то всё же приходишь к выводу: дело не в том, что кто-то разжигает, бензинчик подбрасывает, так сказать. Дело в нас самих. Пытаюсь найти виновных, мы снимаем вину с себя. А тем временем социологические опросы показывают: уровень межнациональной напряжённости в обществе неуклонно растёт, и этим заражается всё больше и больше народа. И здесь есть проблема, и проблема серьёзная.

Почему обычные бытовые конфликты становятся межнациональными? В Кондопоге подрались люди в ресторане. Почему бытовая драка перешла в национальный погром?

Но вот в Иркутске не так давно произошла драка – китайцы побили милиционеров, которые пытались проверить у них документы. Произошёл из-за этого межнациональный конфликт, возник ли в связи с этим всплеск антикитайских настроений? Ничего подобного, никакого всплеска не было. Ладно, китайцы. В прошлом году был День десантника, и эти «бравые ребята» пришли на рынок и попытались взять бесплатно арбуз, и получил один из них железной палкой по голове. Думаю, в 90-е годы был бы погром. И газеты бы многие говорили: ах, наших героев обижают. А сейчас тон сообщений СМИ был другим – десантники, конечно, герои, но арбуз стоил денег. То есть в одном случае бытовые конфликты превращаются в межнациональный конфликт общероссийского звучания, в другом – остались бытовыми конфликтами. Почему? Это заставляет задуматься. Всё от контекста зависит: если люди друг к другу относятся на грани конфликта, то сгодится любой повод, и они начнут друг друга бить. А если повода не будет, то они его создадут. Если у людей нет стремления к открытому конфликту, то даже масштабные конфликты не дают межнационального конфликта.

Значит, дело не в конфликтах как таковых. Значит, дело в общей ситуации в регионах, а она очень разная. Я не хочу сказать, что мы в Иркутске какие-то идеальные. Такие же люди, как и везде. Но, скорее, ситуация исторически складывается так, что почва для конфликтов меньше, чем в Ставрополье, например.

Одна из причин в том, что многие десятилетия вообще был запрет на обсуждение национальных проблем. Да, российское гражданство – это замечательно. Но помимо этого у каждого из нас есть своё, национальное, культурное, то, что досталось от мамы с папой. Но взять тот же Иркутск. Кто у нас самый популярный политик последних десятилетий – Юрий Абрамович Ножилов. Отец китаец, отчество – по отчиму. Мешало ему это? Да несколько, всем было глубоко на это наплевать. Избирали у нас три года подряд в Госдуму корейца-бизнесмена. Четвёртый раз в Законодательное собрание избрали Гайдарова. Значит, национальность не препятствует? Дело в том, что ещё с дореволюционных времён людей принято делить на местных и неместных. Вот мы тут все местные, и это наши дела. И неважно, кто мы – русские, татары, евреи. А вот эти – неместные, они тут понаехали.

Приходят мигранты. Они непривычные, они могут по-другому себя вести, иначе выглядеть. И даже дело не в этничности. Это такая же история, как с крестьянами. Крестьянину трудно в городе, и с крестьянином трудно в городе. Они в трамвае всегда толкаются, не потому, что люди некультурные, а потому, что в деревне трамваев нет, и они не привыкли. И мигранты часто из крестьян происходят. Крестьянин у себя в деревне знает, что если он что-то сделает не так, его вся деревня осудит. Он знает, особенно если дело происходит где-нибудь на Кавказе, что если он вечером где-то руки распустил по отношению к девушке, то, во-первых, утром вся деревня знать будет, а во-вторых, у девушки есть братья и дядья, которые утром ему эти руки-то оборвут. И поэтому он и руки не распускает, и глаза аккуратно держит. А приезжает он в чужой город и видит: стариков нет, на него никто не смотрит. Посмотрел не так, как дома, на девушку, вроде бы и ничего. Контроля нет, к которому он привык. Он потом поймёт, что контроль-то есть, и в городе люди тоже регулируют своё поведение, но только по-другому. Почва для конфликта? Конечно.

Приток мигрантов создаёт конфликтные ситуации, не может их не создавать. Прекратить приток мигрантов в принципе невозможно, потому что количество работоспособного населения России уменьшается на миллион человек в год, и так будет на протяжении последующих двадцати лет. Значит, мигрантов не запретить. Но коль скоро они нужны, значит, нужно думать, как лучше их обустроить. И уж точно нельзя создавать изначально конфликтные ситуации, например, при получении регистрации, потому что это озлобляет людей.

Галина Калугина, начальник отдела по связям с общественностью Управления по информационной политике, связям со СМИ и общественностью администрации Иркутска: В 2001 году проводился конкурс по

межнациональным отношениям, и я писала конкурсную работу под заголовком «Есть ли погромный потенциал города Иркутска?». С того самого дня я накапливаю материал и в принципе знаю, что при необходимости набрать материал для статьи о предпогромном состоянии города Иркутска легко. Другое дело, что я также знаю, что реально нет такой напряжённости в городе Иркутске. Но отслеживать проблему обязательно нужно – через подобные круглые столы, через работу со студентами, через социологические опросы. Многие чиновники сегодня исходят из того, что «не буди лихо, пока тихо», и как только ситуация будет выведена в публичное пространство, она обострится. Мне кажется, что доля истины в этом есть – но если об этом молчать, то нужно, так сказать, молчать грамотно. Молчать, но не замалчивать.

Автор: Артур Скальский © Восточно-Сибирская правда ОБЩЕСТВО, ИРКУТСК 👁 4620 05.07.2007, 12:59
👤 231

URL: <https://babr24.com/?ADE=38816> Bytes: 18686 / 18567 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)